

и отъ низменной купли невѣсты, во всей своей плѣнительной простотѣ.

Книга Георгія Чулкова не есть ни біографическій романъ, ни монографія по первоисточникамъ. Она состоитъ изъ восьми біографическихкихъ портретовъ-характеристикъ. Въ основѣ ея лежитъ большое знанье эпохи и любовь къ ея представителямъ. Нельзя не отмѣтить одного обстоятельства, характернаго для отношенія русскихихъ правящихихъ сейчасъ круговъ къ декабристамъ и для положенія печати въ Россіи. Декабристы пріемлемы, какъ первые революціонеры, но подозрительны и антипатичны по происхожденію, по умѣренности политической программы, наконецъ, по религіозности многихъ изъ нихъ. И вотъ, приходится оправдывать ихъ передъ властью, причислять по марксистки передъ публикой. Для этого книга снабжается предисловіемъ какого-нибудь писателя-марксиста. Къ интимной, лирической книгѣ о В. Ивашевѣ дается предисловіе С. Штрайха (добросовѣстнаго изслѣдователя этой эпохи), который цитируетъ Покровскаго, говоритъ о декабристахъ какъ «идеологахъ промышленнаго капитала, борющагося противъ капитала торговаго» и т. п. Того же Покровскаго, какъ по капральской указкѣ, цитируетъ и безымянный авторъ предисловія къ книгѣ Чулкова. И оба автора дѣлаютъ все, что въ нихъ силахъ, чтобы смыть съ декабристовъ первородный грѣхъ ихъ происхожденія и благопріобрѣтенныя грѣхи умѣренности и религіозности. «Марксизмъ не боится фактовъ», гордо заявляетъ авторъ предисловія. Фактовъ, не снабженныхъ предисловіемъ, «марксизмъ» все же боится.

Мих. Цетлинъ.

Баронъ Б. Э. Нольде. Юрій Самаринъ и его время. Парижъ, 1926.

Отъ прекрасной книжки Б. Э. Нольде трудно оторваться. Она написана просто, серьезно, и мѣстами сухо. Но въ ней чувствуется внутренняя напряженность, языкъ ея чистъ и ясенъ, и тема такъ увлекательна, что, взявши книгу, хочется ее дочесть до конца. Ю. Самаринъ — одинъ изъ крупныхъ русскихихъ людей 19-го вѣка. Его творческія достиженія невелики. Онъ заимствовалъ свое религіозное ученіе у Хомякова и Кирѣевскаго. Въ историческихкихъ построеніяхъ онъ шелъ по слѣдамъ А. Аксакова. Но онъ былъ человекъ исключительнаго ума, большой воли и подлиннаго боевого темперамента. Въмѣстѣ съ блестящими дарованіями, ораторскими и писательскими, это создавало изъ него фигуру, которая въ любой европейской странѣ занимала бы руководящее мѣсто въ государствѣ и опредѣляла бы судьбу своего народа. Въ Россіи онъ былъ коллежскимъ ассесоромъ, губернскимъ гласнымъ и публицистомъ, сочиненія котораго часто принимали форму докладныхъ записокъ или писемъ къ друзьямъ и появлялись въ свѣтъ только по смерти автора. Но удивительное дѣло: читая книгу Нольде, не жалѣешь объ этомъ. Ограниченія вѣшняго дѣланія какъ-то внутренне собирало и углубляло натуру Самарина и создало изъ него большое явленіе русскаго сознанія. А развѣ не русское сознаніе опредѣляетъ, въ настоящемъ, роль Россіи въ мѣрѣ?

Три проблемы занимали центральное мѣсто въ сознаниі С — религиозная, социальная и политическая. С. былъ вѣрующимъ человѣкомъ и православнымъ. И больше православнымъ, чѣмъ вѣрующимъ. Хотя онъ и выставилъ извѣстное положеніе, что «Православная церковь не имѣетъ системы и не должна имѣть ея», однако, на самомъ дѣлѣ, вмѣстѣ съ Хомяковымъ и Кирѣевскимъ, онъ развилъ философско-религіозное ученіе, которое, по существу, является попыткой построенія цѣлой богословской системы православія. Роль С. въ этомъ построеніи была не столько творческой, сколько аналитической и полемической. Онъ не былъ мистикомъ и вообще религіозно былъ мало одаренной натурой. Но, какъ и у другихъ славянофиловъ, вѣра не занимала уголка его души. Она охватывала все его сознание и определяла основныя линіи жизни. Это съ необходимостью вытекало изъ его міросозерцанія. По ученію С., человѣкъ представляетъ собою цѣлостное единство, въ которомъ всѣ способности подчинены державству духовнаго центра. Духъ человѣческой опредѣляется религіозно. Вѣра есть высшее основаніе истины. Полнота истины дана въ Православной церкви. Отсюда страстное и порою нетерпимое отношеніе С. къ инымъ исповѣданіямъ и, въ особенности, къ нерелигіознымъ и материалистическимъ системамъ. Символично и волнующе въ этомъ отношеніи свиданіе С. съ Герценомъ въ Лондонѣ въ 1864 г. Старые знакомые встрѣтились послѣ 20 лѣтъ разлуки и напряженной общественной борьбы, которая развела ихъ далеко въ разныя стороны. О чемъ говорили они въ минуты встрѣчи? — О послѣднихъ вопросахъ міросозерцанія, объ Истинѣ и ея истокахъ. С. не допускаетъ возможности подхода къ истинѣ различными путями. Нѣтъ истины нейтральной, оторванной отъ пути, которымъ она идетъ къ своему раскрытію. Истина, не основанная на вѣрѣ, — ложь. Начала, защищаемыя Герценомъ, ложны не сами по себѣ, а по тѣмъ материалистическимъ основамъ, на которыхъ они строятся. С. твердитъ: то, во что вы вѣрите, ведетъ только къ рабству, блага же, которыхъ вы хотите, могутъ быть основаны только на религіи и ни на чемъ другомъ. Только въ религіи можно почерпнуть сознание личной свободы, а безъ свободы рушится и понятіе права. Если нѣтъ свободы духовной, не можетъ быть и рѣчи ни о свободѣ гражданской, ни о свободѣ политической, ибо та и другая предполагаетъ первую. Личность, въ смыслѣ свободнаго изнутри созидающагося духа, теряетъ свой центръ и, какъ частица вещества, расплывается въ макрокосмосъ. Вообще, въ борьбѣ съ материализмомъ и въ защитѣ православной вѣры идея свободы играла у С. громадную роль. Для С., какъ и для другихъ славянофиловъ, православіе есть прежде всего, религія свободы. Церковь одинаково благословляетъ свободу гражданскую, свободу политическую и свободу мысли, самую дорогую, самую нужную изъ всѣхъ. Церковь не знаетъ въ области мысли понятія авторитета и отвергаетъ всякія формы умственнаго рабства. «Я признаю, подчиняюсь, покоряюсь — стало быть, я не вѣрую. Церковь предлагаетъ только вѣру, вызываетъ въ душѣ человѣка только вѣру и меньшимъ не довольствуется; иными словами, она принимаетъ въ свое лоно только свободныхъ». Надъ

всей системой С. и славянофиловъ вѣтъ подлинный духъ свободы. И, въ этомъ отношеніи, они стоятъ бесконечно выше того теченія, которое, въ настоящее время, хочетъ стать ихъ преемникомъ и поднять знамя самобытности. Евразійство топить личность въ идеѣ соборности. И оно совсѣмъ глухо къ идеѣ свободы. Почему это? Потому ли, что славянофилы были дѣтьми гуманистическаго 19 вѣка и рыцарями свободолюбиваго интеллигентскаго ордена, а евразійцы дѣти новаго міра и новой Россіи, гдѣ личность и свобода будутъ надолго погребены? Или это временная глухота послѣ войны и революціи? Во всякомъ случаѣ, чтеніе С., во многомъ, радостно и утѣшительно.

Болѣе творческой и значительной была роль С. въ выработкѣ социальной программы славянофильства. С. былъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей великой крестьянской реформы и однимъ изъ ея творцовъ. Годы 1848 — 1863 были отданы имъ на борьбу за крестьянское освобожденіе. И это не было случайностью въ его жизни. С. былъ помѣщикомъ и дворяниномъ, но еще больше онъ былъ русскимъ интеллигентомъ. Онъ чувствовалъ нравственную отвѣтственность передъ народомъ, и всякое тяжкое явленіе въ народномъ бытѣ шемило его совѣсть. Программа социальной справедливости была основной проблемой его общественнаго міросозерцанія. Потому крестьянская реформа была для него не только освобожденіемъ отъ ненавистнаго крѣпостнаго ига, но, быть можетъ, еще больше грандіозной мѣрой социального устройства народа. «Птичья свобода» ужасала его. С. былъ авторомъ знаменитой теоріи историческаго права крестьянъ на землю, которую онъ сформулировалъ такъ. Первоначально земля въ Россіи была свободной, и ея фактическими владѣльцами были ея первые земщики-крестьяне. Возникшія впоследствии права государства и частныхъ лицъ не сталкивались съ этимъ исконнымъ владѣніемъ, а воздвигались надъ нимъ. Прикрѣпляя, въ интересахъ своихъ слугъ-помѣщиковъ, крестьянъ къ землѣ и возлагая на нихъ тяжкія повинности, государство тѣмъ самымъ закрѣпляло право на землю за крестьянами. Такъ какъ ты получаешь отъ насъ содержаніе, — должны были говорить крестьяне помѣщику, — то очевидно, что источникъ, изъ котораго мы извлекаемъ это содержаніе, т. е. земля, принадлежитъ намъ. Въ основѣ русскаго историческаго развитія лежитъ понятіе о неразрѣдѣнности земледѣльца съ землею. Земля составляетъ коренное условіе существованія народа. Отсюда страстная защита С. крестьянскаго освобожденія съ землею и отстанавіе каждой десятины крестьянскаго надѣла. «Ни въ коемъ случаѣ никакой клочекъ земли у крестьянъ отнять быть не можетъ». «Надѣльная земля — ихъ, а вы предоставляете одному помѣщику право требовать разграниченія и выбирать ее, гдѣ угодно, Вы дѣлаете экспроприацію». Если принять во вниманіе, что, по дѣйствовавшему законодательству и по убѣжденію помѣщиковъ, вся крѣпостная земля была ихъ собственностью, станеть понятнымъ, почему С. считался «революционеромъ» и «краснымъ». Разумѣется, самаринская теорія крестьянскаго права на землю не можетъ выдержать критики современной исторической науки. Крестьяне далеко не всегда были первыми земщиками, и ихъ пра-

во на землю не можетъ быть обосновано фактомъ исконнаго и бесспорнаго владѣнія. Крестьянскія притязанія на землю обосновывались крестьянскимъ правосознаніемъ иначе и исторически болѣе правильно. Вся земля царская. Царь даетъ ее въ надѣль за службу и повинности. Казенные крестьяне служатъ прямо царю и отъ царя получаютъ земельное жалованіе — надѣлы. Крѣпостные служатъ не прямо царю, а царскимъ слугамъ — помѣщикамъ, но служатъ с той же царской земли. Служба помѣщиковъ царю кончилась — потому царь освобождаетъ и крестьянъ отъ службы помѣщикамъ. Но и послѣ освобожденія отъ помѣщичьей крѣпости крестьяне остаются царскими слугами и потому имѣютъ право на царскіе надѣлы. Вся крѣпостная земля — крестьянская надѣльная и должна церейти къ крестьянамъ даромъ. Такъ формулировало крестьянскія притязанія на землю крестьянское правосознаніе. Но, какъ ни оцѣнивать историческія построенія С., практически, въ основномъ и главномъ, онъ былъ правъ: крестьяне должны были получить достаточные земельные надѣлы, и только на достаточномъ земельномъ обезпеченіи могло быть построено народное благополучіе и крѣпость государства.

Б. Нольде явно не сочувствуетъ этой сторонѣ дѣятельности С. Онъ считаетъ, что крестьянская реформа, проведенная по планамъ С., была грандіозной «сполюціей» помѣщичьей собственности; что оправданіе этой сполюціи, данное С., не имѣло никакого основанія въ рускомъ положительномъ правѣ; что реформа, устанавливавшая произвольныя нормы надѣленія и произвольныя выкупныя цѣны, проводилась хитростью и «изворотами»; что, ставъ на путь нарушенія частныхъ правъ землевладѣльцевъ и усвоивъ себѣ доктрину о верховенствѣ творящей справедливости воли закона, творцы реформы фатально подготовили вторую великую сполюцію, которую осуществила, полвѣка спустя, война и революція *). Съ этими положеніями автора трудно согласиться. Творцы реформы имѣли передъ собой два правосознанія: помѣщиковъ, утверждавшее ихъ священное и неотъемлемое право собственности на крѣпостную землю, и крестьянъ, такъ же свято и непоколебимо убѣжденныхъ въ ихъ правѣ на раздѣлъ помѣщичьей земли. Какъ должна была поступить творящая законъ власть? Власть, основанная на народной волѣ, должна была бы принять и народное правосознаніе. Какъ должна была поступить власть самодержавная? Должна ли была она усвоить правосознаніе высшаго сословія, народу чуждое и ненавистное? Или держаться положительнаго права, утверждавшаго помѣщичью собственность не только на землю, но и на крестьянъ? Не совершила ли, напротивъ, самодержавная власть актъ большой мудрости и подлиннаго мужества, показавшій ея жизненность, когда она поднялась надъ общественной распрей и провела радикальную реформу, руководствуясь интересами государства и нуждами народа? Не дала ли крестьянская реформа Россіи полъ вѣка спокойствія и мирнаго развитія? И, если уже го-

*) См. Б. Э. Нольде. Петербургская миссія Бисмарка 1859 — 1862. Прага, 1925.

ворить объ историческихъ виновникахъ второй великой «сполиаціи», то не правильнѣе ли считать ими не дѣятелей крестьянской реформы, а тѣхъ руководителей государства, которые полвѣка спустя, не сумѣли подняться на высоту своихъ предшественниковъ? Развѣ теперь не ясно, что, если бы въ критическое десятилѣтіе между событіями 1905 года и войной власть нашла въ себѣ мужество повторить реформу 1861 года, революція, — если ей еще суждено было совершиться — потеряла бы свою остроту и стихійную разрушительность. Къ несчастью для Россіи въ эти годы на тронѣ сидѣлъ не Александръ II, а Николай II, земельной реформой руководилъ не Н. Милютинъ, а П. Столыпинъ, и люди, подобные С., уже не имѣли никакого вліянія на власть. И надо, воистину, многого не видѣть въ исторіи, чтобы утверждать — какъ это дѣлаетъ П. Струве — историческую равноцѣнность столыпинскаго земельного законодательства и великой крестьянской реформы и выдвигать Столыпина, какъ providенціальную фигуру для Россіи. — Тѣмъ же стремленіемъ къ социальной справедливости и поданнымъ народоложіемъ объясняется и позиція С. въ вопросѣ о земельной общинѣ. Отношеніе славянофиловъ къ общинѣ вытекало изъ всего ихъ міросозерцанія. Христіанство для нихъ есть, прежде всего союзъ, соборность, община. Земельная община — союзъ не только хозяйственный, но и моральный, и религіозный. Община — носительница «внутренней правды». Для К. Аксакова, община — союзъ людей, отказавшійся отъ эгоизма, «дѣйство любви», высокое дѣйство христіанское». Для Хомякова: «Корень и основа — Кремль, Кіевъ, Саровская пустынь... и по преимуществу, община сельская. «Мірѣ для русскаго крестьянина есть какъ бы олицетвореніе его общественной совѣсти, передъ которою онъ выпрямляется духомъ; міръ поддерживаетъ въ немъ чувство свободы, сознание его нравственнаго достоинства и всѣ высокія побужденія, отъ которыхъ мы ожидаемъ его возрожденія». Такъ же относится къ общинѣ и С. «Общинное начало составляетъ основу, грунтъ всей русской исторіи прошедшей, настоящей и будущей; сѣмена и корни всего великаго, возносящагося на поверхности, глубоко зарыты въ его плодотворной глубинѣ, и никакое дѣло, никакая теорія, отвергающая эту основу, не достигнетъ своей цѣли, не будетъ жить». Земельная община — народная святиня, завіщанный исторіей устой народной жизни. Она даетъ разумную и справедливую основу всему экономическому быту и страхуетъ право крестьянъ на землю. «Благодаря ей каждый крестьянинъ получаетъ долю въ мірской землѣ, пропорціональную и его рабочимъ силамъ, и его потребностямъ». «Пропорціональность надѣла сырымъ матеріаломъ, землю къ рабочимъ силамъ, нуждамъ и тягостямъ удовлетворяетъ требованіямъ справедливости и обезпечиваетъ общее благосостояніе». С. не закрывалъ глазъ и на отрицательныя стороны общины — вредное вліяніе передѣловъ на земледѣльческую технику. Но, взвѣсившая выгоды и невыгоды общиннаго владѣнія, онъ утверждалъ перевагу первыхъ. Ибо для С. община есть, прежде всего, форма разрѣшенія социального вопроса, русское національное воплощеніе общественной справедливости. А онъ понималъ, что въ государствен-

номъ строительствѣ начала социальной справедливости имѣютъ не меньшее значеніе, чѣмъ начала хозяйственно-производственныхъ. Ему хочется — писаль онъ о Черкасскомъ, когда тотъ измѣнилъ свое отношеніе къ общинѣ, — ускорить разложеніе общины и толкнуть ее на другой путь, забывая, что этотъ путь замыкается ущельемъ, въ которомъ гнѣздится коммунизмъ. Народникъ и консерваторъ, С. зналъ ту мудрость, которая стала совсѣмъ недоступной современнымъ «либеральнымъ консерваторамъ»: чтобы государство было сильнымъ, совсѣмъ не надо, чтобы оно ставило ставку на сильныхъ; наоборотъ, только то государство сильно, которое отдаетъ себя на защиту слабыхъ. Ибо, вѣрнѣе, онъ клалъ духовное начало въ основу жизни.

Политическія воззрѣнія С. гармонично сливались съ его воззрѣніями социальными и, въ извѣстной мѣрѣ, даже опредѣлялись ими. Онъ былъ сторонникомъ демократической и социальной монархіи, съ развитымъ мѣстнымъ самоуправленіемъ и широкой сферой свободы для подданныхъ. Онъ боролся съ конституционными теченіями и считалъ всякое правовое ограниченіе самодержавной власти вреднымъ и опаснымъ. Но свои политическіе взгляды онъ, ни въ малой мѣрѣ, не обосновывалъ своими религіозными вѣрованіями. Догматическое утвержденіе внутренней связи самодержавія съ православіемъ онъ считалъ кощунственнымъ. «Мы не признаемъ выработанной западной схоластикой и нашимъ духовенствомъ повторяемой съ чужого слова теории *de jure divino*. Утверждать, что въ силу Божественнаго закона верховная государственная власть принадлежитъ какой бы то ни было династии, по праву ей прирожденному, что цѣлый народъ отданъ Богомъ въ крѣпостную собственность одному лицу или роду, — мы считаемъ богохульствомъ... Спаситель и апостолы создали Церковь и дали человечеству ученіе объ отношеніи человека къ Богу; но они не создавали государственныхъ формъ и не писали конституцій». Если въ Россіи должна сохраниться неограниченная монархія, то это потому, что самодержавная власть является однимъ изъ коренныхъ устоевъ русской народности и отвѣчаетъ потребностямъ страны. Въ Россіи есть только двѣ живыя силы — царь и крестьянство, и эти силы неудержимо влекутся другъ къ другу; все промежуточное, посредствующее, полагающее себя между ними, будетъ неминуемо раздавлено. Конституція для Россіи зло и ложь, ибо народная масса осталась бы въ новой государственной организаціи. «Народной конституція у насъ пока еще быть не можетъ, а конституція не народная, т. е. господство меньшинства, дѣйствующаго безъ довѣренности отъ имени большинства, есть ложь и обманъ». Какъ и Н. Милютинъ, С. думалъ, что конституція въ Россіи возможна только въ дворянско-помѣщичьемъ видѣ и что она приведетъ къ «деспотизму олигархіи». Конституціонализмъ навсегда сохранить для него привкусъ состовности и «лгуновства» высшихъ классовъ въ ущербъ низшимъ. «Либерализмъ озлобившихся помѣщиковъ» пугалъ его, какъ реальная угроза крестьянской реформѣ, и въ конституціонномъ движеніи онъ видѣлъ только выраженіе революціонныхъ посполновеній русской реакціи. «Сдѣлайте сдѣжаніе — писалъ онъ по поводу московскаго дворянска-

го собранія 1865 г., выставившаго требованіе конституціи, — прочтите письмо Аксакова Н. И. Тургеневу. Пусть онъ увидитъ, изъ какихъ видовъ и побужденій хлопочуть у насъ о представительствѣ, и какія допотопныя чудовища всплыли бы на поверхность земскаго собора». Сословной конституціи онъ противопоставлялъ идею народной монархіи, царящей надъ сословіями и творящей социальную справедливость во имя высшаго государственнаго идеала.

Б. Нольде политическая позиція С. кажется исторически такой же ошибочной, какъ его позиція въ крестьянскомъ вопросѣ. Въ дворянско-помѣщичьемъ конституціонализмѣ онъ видитъ выраженіе не крѣпостническихъ настроеній, а подлинно освободительныхъ. Въ представительномъ правленіи дворянство искало не столько компенсациі за крестьянское освобожденіе, «сколько того необходимаго логическаго вывода изъ раскрѣпощенія, который открылъ бы для русскихъ социальныхъ верховъ путь къ вліянію на ходъ государственной машины, только что принесшей въ жертву его права». «Давно пора понять — говоритъ онъ — что на путяхъ Мих. Безобразова, Платонова, Шувалова, Орлова - Давыдова, Кошелева, Ал. Бакунина, Валуева лежало бесконечно болѣе правильное направленіе для нормальнаго русскаго государственнаго развитія, чѣмъ на путяхъ ихъ противниковъ, хотя бы противники эти и назывались Александромъ П, Милютинымъ, Самариннымъ и Кавелинымъ. Кто знаетъ, перешли бы мы столь безпреступно отъ народническаго самодержавія къ большевизму, если бы между ними легла полоса полувѣкового конституціонализма, хотя бы для первыхъ десятилѣтій и цензурного». Трудно сказать, кто болѣе правъ въ этомъ спорѣ — Нольде или С. Что болѣе отвѣчало тогдашней Россіи: «крестьянское царство, съ равенствомъ, но безъ свободъ», или дворянское царство безъ равенства, но съ конституціей? Надо ли было строить политическое зданіе Россіи «на широкомъ фундаментѣ съ легкими верхними надстройками» или на болѣе узкомъ фундаментѣ, но болѣе прочно? За Б. Нольде преимущество непоставленнаго, а потсму и не опровергнутаго опыта. Но развѣ планъ С. былъ осуществленъ въ жизни? Можно ли серьезно утверждать, что русское самодержавіе послѣдняго полустолѣтія было «народническимъ» и «соціальнымъ»? Крестьянская реформа была актомъ величественнымъ и мужественнымъ, но она была лебединой пѣсней самодержавія, за которой начался неудержимый скатъ и увяданіе. Преобразовательная дѣятельность еще продолжалась нѣкоторое время, но творческой порывъ изсякъ и навсегда. «Пустота» послѣдняго дѣсятилѣтія царствованія Александра П угнетала С. и, если бы онъ дожилъ до царствованія Александра III — до эры Толстого, Каткова и Побѣдоносцева. — онъ отнесся бы къ нему съ той же враждой, съ которой къ нему относилась принципиальная противница самодержавія. Можно ли, при этихъ условіяхъ, ставить въ вину С. легкость перехода отъ самодержавія къ большевизму? И, съ другой стороны: гдѣ основанія думать, что дворянская конституція Безобразова и Орлова-Давыдова, если бы она осуществилась, не выродилась бы такъ же быстро и безповоротливо, какъ выродилась социальная монархія Александра П? Былъ ли въ

русскомъ дворянствѣ тотъ духъ свободолюбія, который и цензовыя конституціи Запада дѣлалъ школой демократическаго воспитанія народа? Не указываетъ ли самъ Нольде на тѣсную связь дворянскаго конституціонализма съ крестьянскимъ освобожденіемъ? Не были ли конституціонныя движенія дворянъ въ періодъ подготовленія реформы «шопыткой отстоять свое право передъ законодателемъ, который считалъ себя призваннымъ творить социальную справедливость, не считаясь съ этимъ правомъ?» И не былъ ли правъ Александръ II, послѣ проведенія реформы, когда онъ сказалъ Голохвостову, что московскіе дворяне своимъ адресомъ о собраніи выборныхъ людей хотѣли ошомотить ему за освобожденіе крестьянъ? Почему дворянская борьба за конституцію была такой краткой и безсиленною? Почему дворянскій конституціонализмъ такъ быстро сталъ вырождаться «въ дворянскій домателъства сословныхъ привиллегій въ мѣстной жизни и въ экономическомъ обиходѣ страны?» Почему вожди и идеологи дворянскаго конституціонализма, одинъ за другимъ, стали возвращаться «въ лоно русскаго абсолютизма?» Не потому ли, что отъ дворянскаго конституціонализма до самодержавной реакціи, но только въ дворянскомъ отличіи, былъ всего одинъ шагъ? Что дворянство было враждебно не самодержавію, а самодержавію «социальному» и «народническому»? Можно ли, при этихъ условіяхъ, говорить не о желательности, — кто сталъ бы теперь объ этомъ спорить? — а о реальной возможности въ русской исторіи «полосы полувѣкового конституціонализма, хотя бы для первыхъ десятилѣтій и цензоваго?» Въ томъ и заключалась трагедія Россіи, что объ ея правящія силы — и самодержавная власть, и дворянство — исторически изжили себя и уже не способны были ни на какое творческое строительство; и что оба пути — и путь С., и путь Нольде — Россіи были заказаны. И страшно сказать: единственнымъ открытымъ путемъ оставался путь революцій и катастрофъ. Но, можетъ быть, отъ восточной теократіи, которой, по существу, было русское самодержавіе, къ западнымъ формамъ государственности иного пути и нѣтъ.

О книгѣ Нольде можно сказать еще многое. Въ сжатомъ и выдукломъ ракурсѣ она поднимаетъ основныя вопросы русскаго сознанія. Но самое лучшее — ее внимательно прочесть. Она написана блестящимъ ученымъ и блестящимъ писателемъ. И, несмотря на неизбежный субъективизмъ, ея чтеніе исключительно поучительно.

И. Бунаковъ.

Дневникъ гр. Ламздорфа.

Восьмидесятые годы минувшаго столѣтія, — эпоха контръ-реформъ, — очень слабо освѣщены до сихъ поръ въ печатной литературѣ мемуаровъ и переписки. Пожалуй мы не ошибемся, сказавъ, что единственнымъ капитальнымъ изданіемъ по этой части является пока переписка Побѣдоносцева съ Александромъ II, но вѣдь и эта переписка увидѣла свѣтъ только еще совсѣмъ недавно и пока — лишь въ малой долѣ. Вотъ почему безспорный интересъ представляетъ напеча-